

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РАБОВ В ИТАЛИИ В ПЕРВЫХ ДВУХ СТОЛЕТИЯХ ПРИНЦИПАТА

В основу настоящей статьи положена проблема, каковы были различия в положении римских рабов соответственно их занятию и тому, какому хозяину они принадлежали. Автор, кроме того, занимается также разными вопросами, связанными с рабовладельческим хозяйством. Первая, вводная, глава касается некоторых вопросов о сущности древнего рабовладельческого строя и проблематики жизни античных рабов. Во второй главе даются несколько замечаний по отдельным источникам; в третьей главе дан обзор главных черт экономических отношений в Италии в первые два столетия принципата. В четвертой главе рассматриваются крупные, средние и мелкие сельскохозяйственные и ремесленные предприятия, в пятой главе дается изложение дифференциации рабов по их квалификации. В шестой главе находятся в центре внимания автора вопросы организации труда, рабочих и жизненных условий рабов в большой челяди (*familia*), в седьмой главе подвергаются анализу условия жизни рабов, принадлежащих бедным римлянам. Последняя, восьмая, глава содержит выводы.

Следовательно, в монографии решается прежде всего вопрос, насколько отличались условия жизни рабов, принадлежащих богатым и менее состоятельным римлянам. Поэтому необходимо было установить, что следует понимать под названием крупное, среднее и мелкое сельскохозяйственное и ремесленное предприятие. Путем сравнения данных, имеющихся в источниках автор приходит к заключению, что мелкое хозяйство по римским масштабам насчитывало не больше 30 югеров; площадь средней усадьбы занимала 30—150 югеров, крупное хозяйство измерялось 150—500 югерами. Сельскохозяйственное предприятие в 500—2000 югеров можно считать имением, а предприятие в 2000 и больше югеров — латифундией. Кроме того встает вопрос, в какой мере сохранились в Италии в начале принципата мелкие сельскохозяйственные единицы. В этом отношении можно использовать особенно надписи, а именно т. наз. алиментарные таблицы из Беневента, Веллеи и Плацентии; средняя стоимость одного югера пахотной земли в Италии была при Траяне равна примерно 1500 сестерциям. Хотя результаты, полученные путем анализа алиментарных таблиц, нельзя некритически относить ко всей Италии, тем не менее их достаточно, чтобы установить, что еще около 100 г. н. э. в Италии несомненно существовали мелкие и средние крестьяне, ведущие самостоятельное хозяйство; притом никто не сомневается, что в это время существовали мелкие арендаторы.

Для классификации ремесленных мастерских можно использовать только закон Фуфия и Каниния. По нему можем считать мелкими ремесленниками тех, у которых было в лучшем случае 2 раба, мелкими ремесленными предпринимателями тех, у которых было наибольшее 10 рабов. Мастерские, в которых работало с 11 до 30 рабов, считаются средними, а мастерские, в которых работало больше 30 рабов, можно назвать большими. По сравнению с сельским хозяйством мелкие ремесленники и мелкие ремесленные предприниматели, которым конкурировали крупные рабовладельческие предприятия, имели прочное положение. Существовали, правда, рабовладельческие предприятия, в которых работало 100 и больше рабов, но эти предприятия не были сосредоточены в одном месте, а состояли, как правило, из мелких мастерских.

Римские рабы разделялись с одной стороны по происхождению на купленных рабов (*empticii*) и рожденных в доме хозяина (*vernae*), с другой стороны по занятию на городскую фамилию (*familia urbana*) и деревенскую фамилию (*familia rustica*); потом по условиям работы на рабов, работающих свободно (*servi soluti*) и на рабов, закованных в цепи (*servi vincti*). Разделение рабов на т. наз. *veteratores* и *novicii* не было в I и III столетиях н. э. одинаково. В I веке н. э. имеет слово *veterator* в юридической терминологии значение «квалифицированный раб» и *novicius* значение «неквалифицированный раб», между тем как в III веке словом *veteratores* обозначают огрубевших рабов, а словом *novicii* «невымуштрованных» рабов. На практике это проявилось так, что в I веке н. э. стояли на рабовладельческом рынке дороже *veteratores*, а в III

веке н. э. *novicii*. Такое изменение объясняется тем, что с течением времени отказывались от массовой эксплуатации труда рабов, главным образом неквалифицированных, потому что он, из-за своей небольшой производительности, переставал экономически оправдываться.

Дифференциация рабов проявлялась также в их денежной стоимости. По данным, засвидетельствованным источниками, платили в I веке н. э. за второразрядных рабов и за детей примерно по 1000 сестерциев, а за крепких рабов, способных к тяжелому труду, в среднем 2000 сестерциев, между тем как цена надежных рабов, способных работать самостоятельно, колебалась между 3000—8000 сестерциев. Приобретшие трудовые навыки и опыт рабы продавались за 8000 и даже 10 000 сестерциев, и особенно квалифицированные рабы — за 10 000—20 000 сестерциев. Суммы, полагавшиеся за особенно одаренных рабов, были, конечно, еще выше и часто превышали 100 000 сестерциев.

По римскому праву оставалось в течение всей древности в силе основное разделение населения на свободных людей и на рабов, хотя некоторые рабы жили в условиях гораздо лучше, чем свободная беднота. Рабы, занимающие хорошее положение, пользующиеся в большей или меньшей степени свободой действий, достигали относительно легко также личной свободы; они могли сами выкупиться на сбереженные деньги, которые они с разрешения своего хозяина накопили (*peculium*). Притом, как правило, на волю отпускались честные рабы. *Servi frugi* — это было в I веке н. э. понятие, которое более менее перекрывалось с понятиями *servi soluti*, *veteratores* и *innocentes*; в это время совпадали также понятия *servi vinciti*, *ergastula*, *noxii*, а иногда также *novicii*. Кроме того, обозначение *novicius* имеет в юридической терминологии Целия более широкое значение, чем *novicius* у Ульпиана, между тем как *veterator* шире по своему значению у Ульпиана.

Дифференциация рабов была обусловлена не только большим числом рабов; она была также результатом попыток создать лучшую организацию рабовладельческих имений и больших предприятий. Большая римская *familia* всегда характеризовалась тем, что некоторые рабы занимали в ней привилегированное положение, а другие — подчиненное. Такая организация, при которой один раб следил за другим, велла не к укреплению солидарности между рабами, а скорее к отношениям, полным напряжения и зависти. Затруднения, которые причиняла богатым римлянам ненадежность рабов, решались по-разному, чаще всего выбором подходящих рабов, которые занимали ответственные должности; но, тем не менее тот *pater familias*, который своим рабам, в том числе и виллику, во всех отношениях верил, считался беспечным. Богатые хозяева часто старались воздействовать на воспитание некоторых своих рабов. Это воспитание давало иногда, без всяких сомнений, свои результаты, но в больших домах считалось основное ядро рабской прислуги в своем большинстве «чернью» (*conlucivies*), которую можно было удержать только страхом.

В больших рабовладельческих предприятиях самое большое затруднение заключалось в том, что рабов нельзя было оставить на работе без досмотра, в результате чего производство становилось дороже. Если все-таки в том или другом месте количество рабов, принадлежащих одной фамилии чрезмерно возрастало, возрастала, как правило, с системой досмотра и строгость, нередко переходящая в жестокость. В эпоху расцвета рабовладельческого строя в Италии искали выхода в том, что многих рабов держали в цепях, между тем как со II века н. э. количество рабов, занятых на производстве, снижалось; вместо того предпочитали пользоваться работой лично свободных людей.

К вопросам, которые в специальной литературе до сих пор не получили решения, относятся условия жизни рабов, принадлежавших бедным римлянам. Общепризнано, что в Италии владели рабами и бедные крестьяне, но основательно изучить этот вопрос делает невозможным полный недостаток источников. Древние авторы говорят в большинстве случаев о мелких рабовладельцах применительно к более древней эпохе, между тем как о бедных *patres familias* в первый период принципата встречаются в текстах только очень скудные данные. Плиний Старший, правда, считал самым доходным то хозяйство, в котором работал сам хозяин с своей семьей и несколькими рабами, но и он приводит конкретное доказательство этого своего утверждения из прошлого. Было бы, конечно, опрометчиво считать, что все авторы, жившие и писавшие в I и 2 веке н. э., создавали свои представления о жизни в мелкой усадьбе только по давно прошедшим временам. По всей вероятности, все время сохранялось представление о человеческом отношении к рабам в мелких усадьбах и в небольших дворах, что, вероятно, было бы невозможно, если бы отношение мелких земледельцев к рабам с течением времени существенным образом изменилось. Рабы здесь работали совместно со своим

хозяином и с членами его семьи, и никакой определенной преграды между ними не было.

Scriptores rei rusticae не дают мелким крестьянам никаких указаний для того, как придерживать своих рабов к труду, как следить за ними и наставлять их. Зато они показывают, как должен вести себя виллик. Многие из этих указаний непрямо относятся и к свободному мелкому и среднему крестьянину; некоторые из них выполнял крестьянин лучше виллика, потому что владеет, как правило, только несколькими рабами, между тем как виллик управлял нередко даже несколькими десятками рабов. Итак, у мелкого крестьянина работа была легче по сравнению с вилликом, как правило, потому, что он не должен был завешивать, к которому из честных и прилежных рабов проявлять больше доброжелательности. Кроме того, по словам Колумеллы, правильная мера по отношению к рабам, соблюдается нелегко, как раз там, где рабов больше.

Между свободными бедными людьми и рабами не было на первый взгляд явной разницы. Рядовые свободные люди не брезговали физическим трудом и не стеснялись смотреть на молодых рабов, рожденных в их домах, почти как на своих сыновей. Смерть раба была для хозяина всегда утратой; для богатых хозяев она была, как правило, только материальным уроном, между тем как бедные люди всегда сочувствовали рабам больше. До нас дошло не одно доказательство взаимных симпатий представителей бедных слоев римского населения и класса рабов; не были редкими и брачные союзы менее состоятельного хозяина с собственной вольноотпущенницей. По разным замечаниям в источниках можно также предполагать, что хозяин — владелец двух или трех рабов применял физические наказания только в совершенно исключительных случаях. Наоборот, гораздо более частыми были дружеские отношения между бедными римлянами и их рабами.

Бедные люди не могли покупать дорогих квалифицированных рабов. Поэтому они на рынке выбирали прежде всего дешевых рабов и покупали таких, чья благонадежность не была пока еще проверена. Во времена Колумеллы бывало на рынках всегда много «провинившихся» (*noxii*). Теми должны были бедные покупатели, как правило, довольствоваться. Для дешевых рабов было счастье, когда они попадали к малосостоятельному хозяину. Богатые римляне их могли — и в большинстве случаев они так и делали — прямо отправить в эргастул, между тем как у мелких и средних крестьян рабы работали всегда без ценей. *Servi vincti* были всегда только лишь частью более многочисленной фамилии. Если остановиться еще на вопросе, сколько рабов могло работой своих рук обеспечить бездельную жизнь своего хозяина, приходим к заключению, что для этого было достаточно уже двух рабов, если, конечно, они были обучены, и хозяин жил на самом деле скромно.

Несмотря на то что и бедных хозяев следует считать рабовладельческими эксплуататорами, то необходимо также констатировать, что в их лице рабы, как правило, не встречали слишком жестоких повелителей. Поэтому также считались рабы бедных римлян в общем благонадежными, и кажется, что не делали даже часто попыток бежать.

В мелких усадьбах и небольших мастерских не только не могли существовать резко отличающиеся условия труда отдельных рабов, но и не могло там быть по отношению к рабам ярко выраженного недоверия. Рабы бедных римлян, хотя и жили хуже, чем привилегированные рабы богатых римлян, все-таки находились на лучшем положении, чем выполнявшие тяжелые работы рабы в больших домах.

Общезвестно, что рост рабовладельческого строя может быть только количественным; однако уже Август, по всей вероятности, заметил, что продолжать территориальные завоевания, сопровождаемые увеличением числа рабов, значило бы рисковать само существование империи. Поэтому он и его преемники стремились скорее к внутреннему укреплению империи; но, таким образом, рабовладельческий строй постепенно попадал в безвыходное положение. Поскольку уже при принципате стало необходимым эксплуатировать все больше свободных людей, осуществлялось одновременно все более тесное сближение определенных слоев граждан с классом рабов. Также крепкая организация рабовладельческих имений и больших мастерских лишалась по мере растущего применения трудовых сил из рядов свободных людей некоторых черт внешнеэкономического принуждения; жестокость хозяев и надсмотрщиков становилась более заметной, возмущала общественное мнение, и это — прямо или непрямо — способствовало изданию некоторых законов в пользу рабов. Влияние стоической философии на этот процесс оставалось, по всей вероятности, только второстепенным.

У римлян была продуманная организационная система не только в деле управления государством, а также в деле ведения рабовладельческого хозяйства. Девиз «разделяй и властвуй» был также одним из решающих факторов, которые ослабляли солидар-

ность рабов в их классовой борьбе против рабовладельческого строя. Богатые *patres familias*, у которых была многочисленная фамилия, старались удержать своих рабов в послушании двумя способами: они наказывали малейшие проступки против дисциплины и награждали отдельных рабов за проявления привязанности и за усердие. Таким образом, они раскалывали единство рабских масс.

У мелких римлян, правда, тоже были рабы, но весьма правдоподобно, что отношение бедных хозяев к рабам никогда слишком не отличалось от тех традиционных отношений, о которых часто пишут древние авторы. Наличие бедных рабовладельцев долго было элементом, которым рабовладельческий строй скорее укреплялся, чем нарушался, хотя мелкие рабовладельцы всегда были против его высших форм. Более тесное отношение бедных *patres familias* к рабам тоже в многих случаях ослабляло классовую борьбу в рабовладельческом обществе и, таким образом способствовало — конечно, наряду со всеми экономическими причинами — столь длительному существованию рабовладельческих производственных отношений в истории. Только лишь когда положение колонов стало очень близким положению рабов, явились и общие действия этих общественных классов против общих эксплуататоров одной из главных причин окончательного падения рабовладельческого строя в Римской империи.

Перевод: Я. Буриан и С. Жажа